

Переправа через реку Жиздру возле Оптиной пустыни. Фотография нач. XX в.

Ford across the Zhizdra River near the Optina Hermitage. Photo of the early 20th-century

Оптина пустынь.

Почему туда ездили великие?

Надежда ПАВЛОВИЧ

У многих невольно возникает вопрос: почему они ездили туда?.. Гоголь, Достоевский, Лев Толстой и многие другие русские писатели, философы, художники? Почему уже в наше время Анна Ахматова писала: «И Оптиной мне больше не видать»? Почему, наконец, 4 декабря 1974 года по постановлению Совета Министров РСФСР Оптина пустынь взята под государственную охрану, начата ее реставрация? Почему с каждым годом все больше туристов и экскурсантов посещают ее?

В дореволюционной России было немало монастырей, вошедших в русскую историю, как Киево-Печерская и Троице-Сергиева лавры, или прославленных особым подвижничеством и потому особо чтимых, богатых и бедных, но Оптина пустынь близ города Козельска имеет свою особую судьбу, неразрывно связанную с классической русской литературой

XIX и начала XX века. Именно она описана в «Братьях Карамазовых», ее не раз упоминает в своих дневниках Лев Толстой, о ней пишет в своих письмах Гоголь.

Оптину пустынь в XIV веке, по преданию, основал раскаявшийся разбойник Опта, создатель и орловской Оптиной пустыни в 70 верстах от этой.

Местность живописная: высокий берег реки Жиздры и вдаль уходящий сосновый бор, леса со старыми засеками, охранявшими Русь от татар. Они описаны в «Князе Серебряном» Алексея Константиновича Толстого.

С Козельском Оптина делила многие исторические невзгоды — бывала и под властью Литвы, готовилась к эвакуации во время нашествия Наполеона, и — читаем в списке драгоценностей Оптиной, приготовленных тогда к эвакуации, — не было у нее ни золота, ни

серебра, а только иконы, ризница и библиотека.

И это правда. Никаких иных богатств и драгоценностей в Оптиной не было ни до, ни после. О бедности монастыря можно судить по челобитной царю Алексею Михайловичу: «За Оптиным монастырем крестьянских и бобыльих дворов нет и денежной руги (годовичное содержание попу и причту от прихода.— Н. П.) им нейдет. Кормятся миром и своей работой».

Так что особых богатств эта обитель не стяжала. А временами приходила почти в полное запустение и снова вставала, словно предчувствуя свое духовное предназначение. Дух Нила Сорского, подвижника XVI века и проповедника монашеского нестяжательства, долго сохранялся в провинциальной пустыни.

Но и Оптина к XVIII веку, как большинство тогдашних русских монастырей, потеряла непосредственную связь с идеями и традициями древнего подвижничества — сохраняя формы, она теряла его содержание.

Но в конце XVIII века в России нашелся человек, понявший это и жаждавший найти настоящего духовно опытного учителя. Это был Паисий Величковский — уроженец Украины. Он обошел много монастырей, не находя желанного руководства. Тогда он ушел на Афон, где были книги древних отцов, старинные греческие рукописи. Паисий приобрел и переписывал их, изучил язык и увидел, какое место уделяли древние непосредственному духовному руководству — отношению ученика к учителю. На месте вериг и умерщвления плоти было глубокое самосознание, направляемое опытным наставником — старцем. Здесь речь идет не о физической старости, а об умудренности, о большом личном опыте, о наставнике, который как бы рождает нового человека и потому является его духовным отцом.

О старчестве, об этом особом пути самопознания, писали многие подвижники первых веков — с IV по XIV, но во времена Паисия на славянский и русский языки было переведено очень мало. Поэтому Паисий Величковский прежде всего положил основание переводу этих книг на славянский и русский языки. Сам он в Россию не вернулся, поселился в Румынии, в так называемом «Нямецком» монастыре, который к концу его жизни стал многонациональной лаврой, где собирались монахи и русские, и сербские, и румынские, и греческие, где жизнь иноческая строилась по возрожденным древним традициям и где неуспешно работали над переводами и сам Паисий, и близкие его ученики, и десят-ки переписчиков.

Но Паисий любил и не забыл Россию. Он послал туда нескольких своих русских учеников, снабдив их готовыми переводами и бесценными греческими рукописями. Некоторые из них попали в Оптинскую библиотеку. А из посланных им учеников известны схимники Федор и Афанасий, передавшие, в свою очередь, учение Паисия своим ученикам.

Афанасий поселился с несколькими учениками в Брянских лесах. В числе их были и три брата Путиловы.

Впоследствии Моисей стал архимандритом и настоятелем Оптиной, Антоний — начальником Оптинского скита, а Исаяя — настоятелем Саровской пустыни. Федор же был в Белобережном монастыре и одно время на Валааме.

Оптина тогда была в плачевном состоянии — бедность вопиющая. Монахов было мало, старики доживали свой век. Но с XVIII века уже там строится большой Введенский собор, была библиотека. Епископом калужским в начале XIX века был Филарет, впоследствии митрополит Киевский, о котором много и тепло писал Лесков. Филарет услышал о брянских отшельниках — Афанасии с его учениками — и предложил им переселиться из лесов в Оптину.

Сам Афанасий отказался, но отпустил туда двух братьев Путиловых — Моисея и Антония для укрепления Оптиной и духовно и внешне.

Моисею пришлось взять на себя строительство. За долгие годы своего служения в Оптиной он придал ей простой и благородный облик — возвел башни, на верхушках которых флюгерами были фигуры ангелов с трубами, благоустроил монашеские жилые корпуса и гостиницы для богомольцев и основал в ближнем лесу скит — отделение монастыря — с более строгим уставом.

В строительстве скита особенно помог ему брат его Антоний, который позже стал игуменом и скитона начальником.

Оптину братья Путиловы фактически подняли из праха. Это было как бы второе рождение пустыни — сюда пошли и малые, и великие, крестьяне и писатели, странники и философы.

Тогда в России было много неудовлетворенных приходскими церквами, где, по существу, сохранялись только культ и обряды, где священники не имели ни общего образования, ни духовной опытности и не могли удовлетворять запросам этих беспокойных душ. Здесь же, в Оптиной, они увидели иное: удивительного старца, который подходил к каждому обращающемуся к нему индивидуально и не делал в своем обращении никакой разницы между простой крестьянкой и важным барином. В его келье теряли всякое значение богатство и ор-

дена, сословие, состояние, положение. Была только человеческая душа и та прозорливость, которая читала в этой душе. Здесь, в келье старца, пробуждалась спавшая совесть и осмысливалась жизнь. Здесь был нелицеприятный суд и любовь, непривычные для многих.

И люди пошли в Оптину, а епархиальные власти испугались и возмущались: «У них есть свои приходские батюшки, зачем им идти к этому оптинскому иеросхимонаху Леониду!» (В схиме Льву.) (Леонид — ученик ближайшего ученика Паисия Величковского, Федора, был приглашен в Оптину Моисеем.) Его стали преследовать, грозили Соловками. А он отвечал: «Пою Богу моему, дондеже есмь», то есть пока существую. «И в Соловках буду тот же Леонид». Преследовали его учеников и в других монастырях. Они терпели, а он продолжал принимать людей.

Старый Леонид не любил внешнего благочестия и называл его очень образно — «химерой». Когда же его спросили, что он понимает под этим словом, он ответил: «Видел ты, как цветут огурцы? Есть цвет настоящий, и есть цвет на завязи, на которой не бывает огурцов, то есть пустоцвет. Это и есть «химера».

И от учеников своих он требовал не внешнего благочестия, не иступленности и фанатизма, а душевной сосредоточенности и душевной работы. «Ты хочешь на лету схватить мои слова и мимоходом спастись, — наставлял он одного из учеников. — Наскоро не учатся. У тебя все восторги, целования. А я при отце Федоре был без фанатизма».

В конце жизни он нашел себе друга и помощника (сам светского образования не имел) — интеллигентного иеромонаха Площанской пустыни Макария Иванова, который после смерти отца Леонид стал его преемником и положил начало новому периоду Оптиной пустыни, соприкоснувшегося с русской литературой. При нем в Оптину впервые приехали Гоголь, братья Киреевские и другие славянофилы, и пустынь стала своеобразным культурным центром.

В этот период в Оптиной образовалось свое издательство, которым руководили старцы Макарий и Амвросий. Причем самое непосредственное участие в его организации и работе принимали Иван Киреевский и его жена Наталья Петровна — одна из интереснейших и образованнейших женщин XIX века. Это издательство стало своеобразным узлом связи между Оптиной и русской литературой. Если Гоголь, Достоевский и Толстой ездили в Оптину как бы частным образом, в связи со своими внутренними переживаниями или творческими замыс-

лами, то Иван Киреевский и Наталья Петровна участвовали в самой научно-литературной работе оптинского издательства. Иван Киреевский вел редакторскую работу, а Наталья Петровна держала корректуры и была «связной» между издательством, цензурным комитетом и московским митрополитом Филаретом Дроздовым. Достаточно сказать, что она — единственная женщина, имя которой неоднократно упоминается в «Оптинской летописи» (рукописный отдел Библиотеки имени В. И. Ленина). И далеко не случайно уже в наше время реставрация Оптиной пустыни началась с восстановления могилы Киреевских.

Одновременно с издательством росла и знаменитая Оптинская библиотека. Одной из главных статей монастырского расхода было приобретение книг, причем не только духовных, но и светских. К концу века скитская библиотека имела более 30 тысяч книг и потребовала целого трехэтажного здания, второй этаж которого был занят рукописным отделом. В этой библиотеке, кроме богословских книг, были русские и иностранные классики, философские сочинения, исторические, географические и математические. Был специальный медицинский отдел, где много внимания уделялось психиатрии; были и редкие книги, почти все журналы того времени.

После революции библиотека перешла к первому Оптинскому краеведческому музею, а при закрытии последнего в 1928 году редкие книги и по нескольку экземпляров оптинских изданий, а также весь рукописный отдел были перевезены в Москву, в Библиотеку имени В. И. Ленина; туда же перешел еще в 1926 году фонд известного востоковеда иеромонаха Виноградова, 12 лет проработавшего в Пекинской русской православной миссии и привезшего с собой много ценных материалов. Прожив на покое в Оптиной около 10 лет, он скончался в 1919 году, а в 1922—1923 годах в Оптину ради этого фонда приехал от Академии наук Николай Иосифович Конрад, тогда еще профессор, впоследствии академик, один из основоположников русского востоковедения. Осталась неопубликованная его статья «Синолог из Оптиной», хранящаяся в Санкт-Петербурге.

В фондах Библиотеки имени В. И. Ленина много дублетов книг Оптинской библиотеки, некоторое количество их возвращено теперешнему Оптинскому музею — отделению Козельского краеведческого музея.

Любовь к книге была характерна для Оптиной. Об этом свидетельствуют завещания ее настоятелей. Так, архимандрит Моисей пишет: «Книги духов-

ные, которые я имею снисканными в течение монастырской жизни и кои почитал всю жизнь мою великим богатством, доставлявшим душе моей нетленную пищу и служащим приобретению вечной жизни, оставляю в монастырской библиотеке для духовной пользы отцов и братьев моих».

По образцу этого завещания и другие оптинские настоятели и монахи оставляли свои личные книги в наследство Оптинской библиотеке. А другого имущества у них почти не было. Каждая лишняя копейка монастырская шла не на роскошь, а на книги, как заповедал своим ученикам еще Паисий Величковский — великий книголюб.

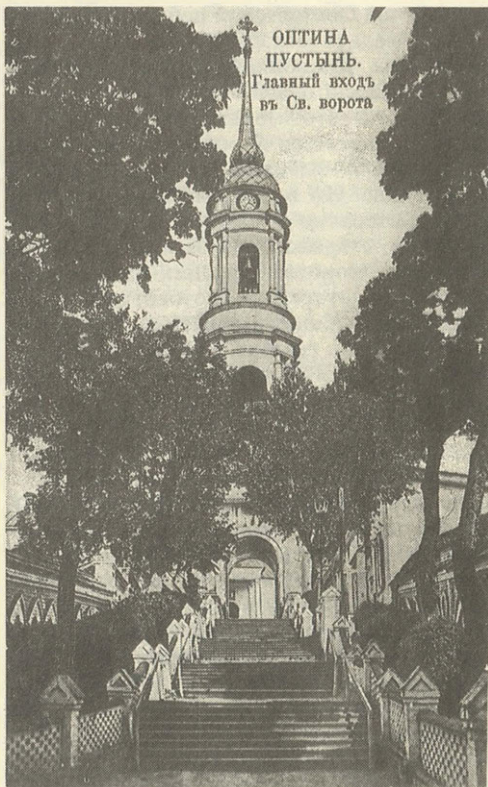
Оптина привлекает к себе иконописцев и художников: Болотов — член Петербургской Академии художеств принимает монашество и основывает в пустыни иконописную мастерскую, филиал этой мастерской был и в Шамордине, в женском монастыре, где копировали религиозные картины Боровиковского и других художников XVIII—XIX веков. Эти мастерские были основаны еще при старце Амвросии.

В последние же годы, уже в 15—20-х годах нашего века, в Оптиной бывали многие известные художники и беседовали об искусстве с последним старцем иеросхимонахом Нектарием — учеником Болотова.

Оптина XIX века предстает перед нами в «Братьях Карамазовых». Старец Зосима не портрет Амвросия. Но Алексей Михайлович Гренков (старец Амвросий) — ученик старцев Леонида и Макария, бывший преподаватель семинарии, был одним из прототипов Зосимы. Вторым был Тихон Задонский — подвижник XVIII века, талантливый духовный писатель, известный своим гуманизмом и широтой взглядов. Но, конечно, оба прототипа спаяны собственным миропониманием и мироощущением Достоевского.

Писатель приехал в Оптину с философом Владимиром Соловьевым в июне 1878 года. Он переживал в это время большое горе: его любимый маленький сын Алеша скончался от эпилепсии, и отец считал себя виновным в передаче по наследству болезни. Смерть мальчика он воспринял как наказание за свои грехи. Он много слышал об Оптиной и надеялся на глубокое понимание его переживаний и мук совести, но, конечно, был у него интерес художника и психолога, великого исследователя глубин души человеческой. Эти глубины он надеялся увидеть и в оптинском старце, и в его посетителях, приходивших в Оптину со своими болями и переживаниями.

Достоевский и Соловьев остановились

Вид козельской Введенской Оптиной пустыни. Открытка нач. XX в. View of the Optina Hermitage of the Presentation in the Temple near Kozelsk. Postcard of the early 20th century

в монастырской гостинице и пробыли в Оптиной три дня, о чем свидетельствует уцелевший «журнал» гостиницы, хранящийся в рукописном отделе Библиотеки имени В. И. Ленина. Известно, что Достоевский был у старца Амвросия в келье и на его выходе для благословения народа. Эта сцена и описана им в выходе старца Зосимы в «Братьях Карамазовых». Известно также, что старец Амвросий сказал о Достоевском: «Это — кающийся». Все это вполне документальные данные. Но есть еще местные предания.

Против Оптиной, на берегу реки Жиздры, немного левее, если идти из Козельска, находятся Прыски, бывшее имение Кашкиных. Кашкин же был товарищем Достоевского по кружку петрашевцев и стоял рядом с ним на эшафоте. Мне пришлось в 1922—1923 годах работать научным сотрудником и даже несколько месяцев директором первого Оптинского краеведческого музея, основанного в 1918 году и закрытого в 1928-м. В 1922 году я застала еще действующий монастырь. Старики монахи рассказали мне, что Достоевский посетил Кашкина (в этот или в другой, специальный к нему приезд, о котором мы никаких данных не имеем). Дом Кашкиных в революцию сгорел. Остались их могилы близ местной церкви, также взятой под государственную охрану. Монахи расска-

звали, что Достоевский переплыл однажды на лодке Жиздру непосредственно из имения Кашкиных, а не на пароме, как это делали обычно остальные посетители. И на это монахи обратили внимание, запомнили. Посещение товарища молодости и бывшего петрашевца было естественно. Но в данном случае чрезвычайно интересно и другое. Не от Кашкиных ли, старожилов Козельского уезда, наверняка хорошо знавших Оптину, ее монахов и старцев, Достоевский узнал некоторые любопытные детали, пригодившиеся ему в романе. Анна Григорьевна Достоевская об этом посещении Кашкиных не упоминает, нет и других документальных подтверждений, архив Кашкиных (во всяком случае, большая часть его) сгорел, но к данному свидетельству монахов стоит прислушаться при изучении истоков «Братьев Карамазовых». За три дня пребывания в Оптиной (а больше он там не оставался и там над романом не работал) Достоевский вряд ли мог так хорошо познакомиться с бытом и обстановкой города Козельска. А Карамазовы ведут себя у старца Зосимы как люди местные, а не сторонние посетители. О втором же приезде Достоевского в эти места никаких, даже косвенных, данных нет.

Оптина вписывается в «Летопись» Льва Толстого, посетившего ее, по данным Н. Н. Гусева, четыре раза, по другим же известиям и местным преданиям — шесть раз. Вплоть до 1910 года, до ухода из Ясной Поляны и предсмертных дней.

Первое посещение Толстым Оптиной связывается с похоронами А. И. Остен-Сакен — его тетки и опекуни. Страхов говорит, что на погребении присутствовали племянники и племянница, но их имена не указывает. Во всяком случае, известно, что стихотворная эпитафия на памятнике была составлена тринадцатилетним Толстым и может считаться первым обнародованным его произведением.

Сведения о пятом посещении (1896 г.) есть в книге «Мои воспоминания» И. Л. Толстого.

О нем же рассказывает местное предание.

Но начнем со второго, по Гусеву, — с первого. Толстому уже 50 с лишним лет. И вот он пишет: «... 35 лет я прожил ни христианином, ни магометанином, ни буддистом, а нигилистом в самом прямом и настоящем значении этого слова, т. е. без всякой веры».

Мысли его обратились к Христу, но это был не Христос Священного писания и церкви. Толстой хочет написать «материалистическое евангелие о материалисте Христе». Он задумал книгу

с новым восприятием и образа и учения Христа. И вот тогда-то у него возникла потребность поговорить с прославленными своей мудростью оптинскими старцами. Может быть, нынешний старец Амвросий и поймет всю его великую идею переосмысливания Евангелия.

В 1877 году Толстой вместе с Николаем Николаевичем Страховым, гостившим в Ясной Поляне, поехал в Оптину и, естественно, остановился в хорошей гостинице.

На следующее утро в Оптину к Льву Николаевичу приехал еще князь Дмитрий Оболенский звать его к себе в имение и привез знаменитого музыканта Николая Григорьевича Рубинштейна. Там они все четверо посетили архимандрита — бывшего гвардейского офицера Половцева и, по словам Софьи Андреевны Толстой, «вели не только религиозные, но и политические беседы».

От Половцева они все вместе — Толстой, Страхов, Оболенский и Рубинштейн — пошли к старцу Амвросию. Сразу же от старца Толстой поехал к Оболенским, где слушал прекрасную игру Рубинштейна, и вернулся домой очень довольный.

Но никакой откровенной беседы со старцем не было. Толстой, по его собственному признанию, почувствовал духовную чистоту и мудрость Амвросия, его «святость», но не более. Диалога не получилось.

Достаточно хорошо известно и второе (по Гусеву) посещение.

В начале 1881 года Толстой опять собрался в Оптину и взял с собой преданного слугу Сергея Арбузова и учителя Яснополянской школы Дмитрия Федоровича. Примечательно, что в этот раз Толстой пошел туда «опростившись» — он переоделся в мужика, был в лаптях. Правда, возникает вопрос: зачем нужен был этот маскарад? Люди шли в Оптину с открытым лицом и открытой душой. Из тысяч приходивших туда он один шел для проверки оптинского демократизма (как-де там обращаются с бедным людом и как с дворянством и богачами). И уж, кстати, для проверки: как отнесутся пресловутые мудрые старцы к его богословским теориям, уже наумевшим в ту пору, если о них пойдет речь? Враждебное отношение к церкви уже складывалось, но до конца не оформилось.

И все-таки потянуло опять в Оптину...

Спутников приняли, как принимали всех богомольцев, и направили в странно-приимный дом, где останавливалась беднота. Им отвели номерок, где Лев Николаевич не мог уснуть из-за грязи и клопов. Наутро, когда он шел по монасты-

рю, его встретил монах, бывший яснополянский крестьянин, и узнал. Инкогнито кончилось. Его немедленно перевели в лучшую гостиницу. Туда ему предложили взять и своих спутников. Но Арбузов отказался, подружившись с прежним соседом. (Видимо, там было не так уж плохо.)

В первый вечер в Оптиной Толстой ужинал с богомольцами (если по четверо из одной миски), еда была вкусной. Утром второго дня без очереди он попадает к настоятелю и к старцу Амвросию. Даже слугу Толстого Арбузова приняли без очереди.

Этот почет не только разрушил планы Толстого, но действительно его тяготил. Почетом он был сыт. Учение его уже сказывалось в собственной жизни. Он чувствует себя не только великим писателем России, но и учителем, нравственным судьей общества и государства.

Беседа Толстого со старцем Амвросием не была обычной для оптинских богомольцев. К старцу шли со своими скорбями, недоумениями, вопросами совести и покаянием. Толстой пришел как совпросник, спорщик и обличитель старца в незнании Евангелия.

Толстой частично записал эту беседу.

«У Амвросия 2 часа. Нищенство это совершенство. (Вероятно, Толстой признался старцу, что его тяготит богатство.—Н. П.). Ищите совершенства, но не удаляйтесь от церкви. В (Евангелии), в постановлениях соборов и у свя(тых) отцов — откровение. Звезда от звезды отличается. Как генерал, полковник, поручик, так и там будет (ему кажется, что чины что-то натуральное, с чем можно сравнивать).

И(оанна) Златоуста не видал тот, кто был на небе,— он с Св. Троицей. Все будут казаться равны, но утешение не одно. Мощи благоухают.

Амвросий занят тем чином, который он сам заслуживает, и верит болезненно. Бедный».

Это реакция Толстого. Когда же спросили старца Амвросия об его впечатлении, он ответил: «Гордыня».

Интересный факт сообщает слуга писателя Сергей Арбузов. На обратном пешем пути они встретились с молоканами (секта, отвергающая иконопочитание и церковное богослужение). Толстой, как это не может показаться странным, стал советовать им вернуться к церкви, говорить, что они отошли от веры отцов. Уходя, один из молокан спросил Арбузова: «А как ваш барин — часто ли ходит в церковь?» — «Никогда», — ответил Арбузов. «Это очень странно», — заметил тот.

Видимо, какие-то сомнения у Тол-

стого были, и предыдущий разговор с Амвросием, его фраза: «Ищите совершенства, но не удаляйтесь от церкви» — заставила его задуматься, недаром он так точно записывает ее в дневнике.

Тем не менее именно после этого посещения Оптиной появляются его «Записки христианина», а позже — «В чем моя вера». Трактаты, в которых он в лучшем случае обличает церковь в незнании Священного писания, похлопывает по плечу таких особо чтимых ее авторитетов, как апостол Павел, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин. А в худшем — обвиняет ее в сознательной лжи и обмане. И создает свое евангелие — «от Толстого», в котором он опровергает все основные евангельские рассказы и христианские догмы, без признания которых не может быть христианина.

Взрывная сила и притягательность учения Толстого была именно в его максимализме, в требовании полной перестройки личной и общественной жизни согласно провозглашенным им как новое откровение моральным принципам.

И все же что-то тянуло его к Оптиной, столь полярной, противоположной ему. На все его «да» она отвечала «нет», и на все ее «да» — он восставал...

В третий раз, в 1890 году, он едет в Оптину с дочерьми Таней и Машей и племянницей. Едут весело — почти праздничной прогулкой. Маша — любимица отца, сочувствующая его взглядам, — вспоминает свою поездку в Киев и слухи о распущенности тамошних монахов. Толстой говорит о святости оптинских послушников и (совсем неожиданно) о сомнительной добродетели старца Амвросия.

Внешне формы богомолья соблюдают: девушки посещают богослужения. А Толстой вновь идет к старцу Амвросию для богословских споров. О чем и как они спорили, судить трудно. Известно лишь, что Толстой ушел от старца раздраженным и заключил: «Монашество — сибаритство».

Эта поездка знаменательна еще одной встречей. Здесь, в Оптиной, Толстой застал своего старого знакомого — критика, публициста, философа Константина Леонтьева, жившего в эти годы в пустыни и, кстати, здесь же осенью 1889 года написавшего свой основной критический труд — «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого». Об этой встрече Толстой сообщил жене: «Мы прекрасно поговорили».

А разговор был такой. Леонтьев, бывший к вопросам веры крайним догматиком, сказал гостю: «Вы — неисправимы. Правильно было бы, если б я через свои петербургские связи устроил бы, чтобы

вас сослали подальше в Сибирь, да так, чтобы графиня и дочери не могли посещать и заботиться о вас в тюрьме». На что Толстой с жаром воскликнул: «Голубчик Константин Николаевич! Напишите, ради Бога, чтоб меня сослали. Это моя мечта. Я делаю все возможное, чтобы компрометировать себя в глазах правительства, и все сходит мне с рук. Прошу вас, напишите».

В этом шуточном ответе была и глубокая правда.

В августе 1896 года Лев Николаевич вместе с женой поехали в Шамордино навестить его сестру Марию Николаевну Толстую — монахиню Шамординского монастыря, бывшего женским филиалом Оптиной пустыни. Ни Н. Н. Гусев в «Летописи», ни сама Софья Андреевна в своих воспоминаниях о четырех поездках Толстого в Оптину не упоминают, что и в этот раз он заезжал туда. Но Илья Львович Толстой в примечаниях к главе XXV своей книги «Мои воспоминания» пишет: «В августе 1896 года (с 10-го по 15-е) Л. Н. Толстой и С. А. Толстая ездили в Шамординский монастырь, откуда проехали в Оптину пустынь». Это путешествие подробно описано в неопубликованных записках С. А. Толстой «Моя жизнь» (Толстая С. А. Моя жизнь. Т. 7. С. 49—55). В этот приезд в Оптину пустынь Толстые посетили могилы тетки Льва Николаевича А. И. Остен-Сакен, умершей в Оптиной пустыни, и Е. А. Толстой, сестры Т. А. Ергольской. С. А. Толстая была на исповеди у о. Герасима. По словам Софьи Андреевны, Толстой нашел в Оптиной пустыни большой упадок и во внешнем, и во внутреннем духе монастыря. (Далее И. Л. Толстой ссылается на дневник А. С. Суворина о том, что Толстой встретился с о. Иосифом, и приводится рассказ М. А. Стаховича о поездке Толстых в Оптину.)

И еще. Старые монахи рассказывали мне, что Толстой из Шамордина приезжал в Оптину верхом, привязывал коня у скитской ограды и, не заходя ни в скит (где жил старец Иосиф), ни в монастырь, уходил в лес по тропинке к речке Железинке. Там были чудесные реликтовые сосны (некоторые сохранились до сих пор), тишина, одиночество. Богомольцы обычно сюда не заглядывали, тут никаких святынь не было, и он мог спокойно думать о своем «Хаджи-Мурате». Рассказ этот похож на правду, но не документален. Из дневника Толстого видно, что работа над «Хаджи-Муратом» в Шамордино как-то не ладилась, и он мог искать тишины и одиночества в прекрасном оптинском лесу. В Шамордино была непривычная обстановка и женская суета, мешавшие работе.

И вот последний трагический приезд Толстого в Шамордино через Оптину.

Как известно, Толстой бежал из Ясной Поляны между 4—5 часами утра 28 октября 1910 года к сестре Марии Николаевне — монахине Шамординского монастыря. В Козельск он попал в 4 часа 50 минут вечера, как точно отметил доктор Маковицкий, сопровождавший его. Наняли ямщика. Смеркалось, быстро темнело, непогода, «дорога была ужасная». Он мог бы прямой дорогой поехать из Козельска в Шамордино. Оптина осталась бы в стороне, на другом берегу Жиздры. Но он поехал в Оптину. Здесь не могло быть расчета отдохнуть ни физически, ни душевно. Остановка в Оптиной требовала напряжения, ведь Лев Николаевич не был уверен в том, что его, отлученного от церкви, примут. Но Маковицкий отмечает, что еще в вагоне, а теперь у ямщика он спрашивал, какие есть старцы в Оптиной, и сказал, что «пойдет к ним». Тогда старчествовали иеромонахи Иосиф и Варсонофий. Первый — бывший келейник старца Амвросия, второй — бывший штабной офицер. С отцом Иосифом Толстой встречался в предыдущие приезды. В отце же Варсонофии мог предполагать человека своего круга и воспитания. В том душевном смятении и волнении Оптина могла быть нужна Толстому только для беседы со старцами, а не для отдыха на пути в Шамордино, которое было в 14 верстах оттуда.

«Остановились у гостиницы, Толстой спросил монаха-гостиника: «Можно мне войти?» Гостиник говорит: «Пожалуйста». — «Ведь я Толстой, может, вы меня не примете?» — «Мы всех принимаем, — говорит гостиник, — всякого, кто желание имеет». Они и остановились у нас» — так передает И. Бунин в своем «Освобождении Толстого» рассказ Лопатиной. Сам же Толстой записывает в дневнике:

«... Доехали до Оптиной. Я здоров, хотя не спал и почти не ел. Путешествие от Горбачева в третьеклассном набитом рабочим народом вагоне очень поучительно и хорошо, хотя я и слабо воспринимал. Теперь 8 часов, мы в Оптиной».

Толстому отвели просторную комнату с двумя кроватями и широким диваном. Внесли вещи. Лев Николаевич сказал: «Как здесь хорошо!» и сейчас же сел за писание. Написал довольно длинное письмо и телеграмму в Ясную Поляну.

По рассказу Лопатиной следует, что на другой день с утра Толстой пошел к настоятелю. Дальше идет патетическая сцена (со слов гостиника, как отметила Лопатина). «Лев Николаевич стоял на холоде и сырости, с шапкой в

руках. Он опять не хотел входить прямо, опять просил служку доложить: «Скажите, что я Лев Толстой, может быть, мне нельзя». Монах сам вышел к нему, раскрыв объятия, и сказал: «Брат мой». Лев Николаевич бросился ему на грудь и зарыдал.

Это сообщение вызывает сомнение. Такая сцена означала бы примирение с церковью, которого, как известно, не произошло: это было бы такое значительное событие, что после него Толстому не было бы необходимости идти к старцам, колебаться, подходить к двери и отходить, как произошло на самом деле. Его приняли бы немедленно или пригласили бы старцев к настоятелю. После объятий должна была бы состояться и беседа с настоятелем. Но о ней Толстой ничего не рассказал сестре, даже не намекнул, когда зашел разговор о возможности остаться жить в Оптиной. Толстой два раза подходил к скиту, к хибаркам старцев, колебался, но не вошел и уехал в Шамордино.

Известен разговор его с сестрой. Бунин приводит этот разговор, ссылаясь на книгу Ксюнина «Уход Толстого». «Сестра, я был в Оптиной, как там хорошо! С какой радостью я жил бы там, исполняя самые низкие и трудные дела: только поставил бы условием — не принуждать меня ходить в церковь». — «Это было бы прекрасно», — отвечала сестра, — но с тебя взяли бы условие ничего не проповедовать и не учить... «Виделся ты в Оптиной со старцами?» — спросила сестра. Он ответил: «Нет. Разве ты думаешь, что они меня бы приняли? Ты забыла, что я отлучен».

Если бы трогательный прием у настоятеля состоялся, то Лев Николаевич так бы не ответил сестре. В книге И. Л. Толстого «Мои воспоминания» есть прямое тому подтверждение — письмо Марии Николаевны к Софье

Андреевне с подробным изложением ее бесед с братом в эти решающие дни. Документ, который Бунин мог и не знать.

И из этого письма ясно, что он только «хотел непременно поговорить со старцем», но это ему не удалось. Приехавшая дочь своим известием, что Софья Андреевна бросилась в пруд, «все перевернула вверх дном». Рано утром Толстой бежал из Шамордина.

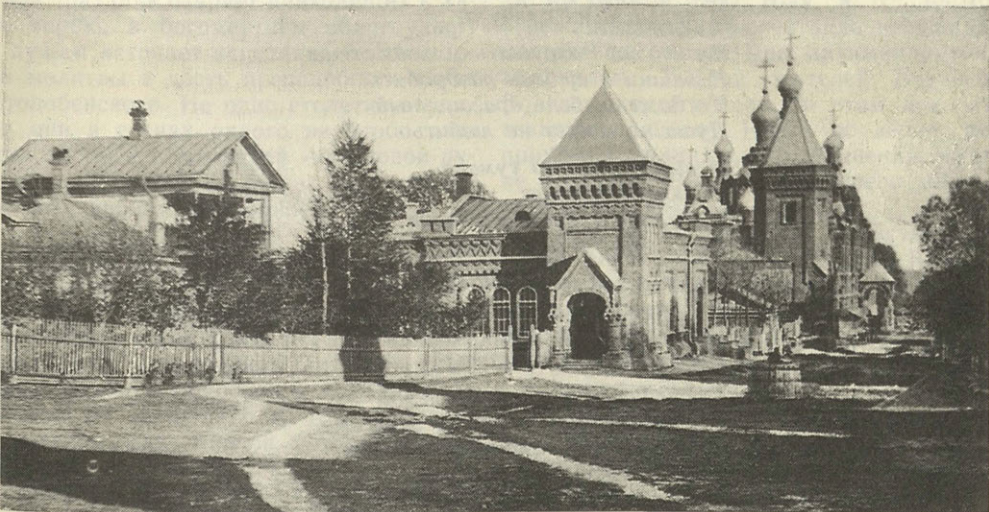
В Козельске беглецы сели в поезд, идущий на юг, не успев даже взять железнодорожных билетов. Купили по дороге — до Ростова-на-Дону, где была колония толстовцев, хотя Толстой предупредил, что именно в такие колонии он не хочет ехать.

В дороге ему сделалось плохо. Пришлось выйти на станции Астапово; начальник станции предложил свою квартиру. Туда же приехали извещенные Чертковым дочери Толстого и жена. Софью Андреевну к Толстому допустили только в последнюю минуту, когда считали, что он уже без сознания.

И здесь произошло последнее соприкосновение Толстого с Оптиной. Неожиданно в Астапово приехал старец Варсонофий, но его к умирающему не допустили, заподозрив, что он послан Синодом для попытки предсмертного примирения с церковью и покаяния Толстого. Что старец, кстати, отрицал, ссылаясь на последний приезд самого Толстого в Оптину и желание поговорить с ним. Но, конечно, приезд старца Варсонофия не мог быть своевольным, он был одобрен церковной властью, все-таки не терявшей надежды о предсмертном покаянии.

Толстой умер, не примирившись с церковью, поэтому церковного отпевания не было. Не произошло и его последней встречи с оптинским старцем.

Но имя Толстого навеки связано с Оптиной. В разные периоды его жизни она вставала на его пути...

Шамордино. Амвросиевская женская пустынь близ Козельска. Фотография нач. XX в.

Shamordino. The Amvrosy Convent near Kozelsk. Photo of the early 20th century

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Спустя долгие десятилетия забвения в отечественную литературу, краеведение возвращается имя автора публикуемого выше очерка об Оптиной пустыни. Надежда Александровна Павлович (1895—1980) прожила долгую и не совсем обычную в условиях советского строя жизнь. Несмотря ни на какие превратности судьбы, ни разу не изменила она своим убеждениям, не отреклась от веры в Бога, невольно заставляя считаться с этим своих недоброжелателей.

Надежда Александровна рано начала писать стихи. Первые ее сочинения появились в печати еще в 1912 году. После революции, в 1922 году, увидел свет ее стихотворный сборник «Берег», а спустя год — другой сборник, «Золотые ворота».

С 1923 года Надежда Александровна стала послушницей последнего старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Нектария. После разгрома монастыря большевиками в 1926 году Надежда Александровна навещала старца в ссылке в Брянской области до его кончины.

В годы гонений на религию Павлович не стыдилась называть себя глубоко верующей, открыто называла себя «монахиней в миру». Не оставляла она

и надежды восстановить Оптину пустынь, верила, что придет время, и вновь над ее поруганными храмами зазвучат колокола. Ее старания и настойчивые обращения во все мыслимые советские инстанции не прошли даром — в бывшей Оптиной пустыни открылся музей. Многие и многие люди получили возможность узнать правду о прошлом одного из самых значительных духовных центров России. К сожалению, Надежда Александровна не дожидаясь исполнения заветной мечты. Оптина пустынь была возвращена церкви несколько позже. Но здесь никогда не забудут о подвижнической жизни «инокини-поэтессы».

В течение последних тридцати лет жизни Надежды Александровны Союз писателей СССР всячески препятствовал выходу ее книг. Ей удавалось публиковать в основном стихи для детей и переводы. В 1968 году вышел ее последний стихотворный сборник, в который, однако, издательством не были включены лучшие духовные стихотворения автора. Отчасти исправляя эту несправедливость, редакция «Памятников Отечества» завершает публикацию стихотворением Павлович об Оптиной пустыни, любовью к которой согрета каждая строка.

* * *

*Вода из твоего колодца
Чиста, прозрачна и светла.
Она из недр глубинных льется
Все отмывает добела.*

*Но твой черпак давно потерян
И холодно блестит струя.
Заветные закрыты двери
И перед ними плачу я.*

*Ну что ж! Разрушить можно стены
И башни в щебень раздробить.
Но даже щебень драгоценный
Душа не может не любить.*

*И выплывают из тумана
Сияющие купола.
Ты не свои, ты наши раны
Как бремя легкое взяла.*

*Все это знаменье инога
И бытия, и торжества.
Под гробовым своим покровом
Ты ослепительно жива.*

*Последней служкой неумелой
Позволь прозреть сквозь эту тьму.
К твоей пыли приникнуть белой
Как будто к сердцу твоему.*

Н. ПАВЛОВИЧ